

чревоугодію и пьянству, никакого татя, лихомца и корыстолюбца, никого преданнаго смѣху, ибо сказано: „горе вамъ смѣющимся, ибо возрыдаете и восплачете“ (Лук. 7, 25).

* * *

Тварь не иначе можетъ существовать и благоденствовать, какъ соблюдая твердо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звѣзды, на землю, на всю тварь, какъ она точно соблюдаетъ законы Творца. Левъ Толстой отвергъ Творца и вычеркнулъ изъ русскаго языка слово тварь, потому что не признаетъ, что твари суть твари, сотворенныя личнымъ разумнымъ Началомъ.

* * *

Верхъ дерзости Толстого заключается въ томъ, что въ виду близкой смерти своей онъ не боится Бога и суда Его и считаетъ себя правымъ, какъ и своихъ учениковъ, и богохульству своему не полагаетъ никакой мѣры; ужъ хулить, такъ хулить до конца, ужъ безумствовать, такъ безумствовать до конца! Геройство — чисто сатанинское, да еще и въ превосходной степени, ибо и самъ сатана боится Бога и трепещетъ уготованныхъ ему мученій, а ученикъ его превзошелъ и своего учителя.— Вотъ финаль „Войны и мира“ и „Анны Карениной“ и прочихъ писаній Льва Толстого!

* * *

Какая превознесенная гордыня! Знай нашего Льва, вышедшаго изъ логовища Ясной Поляны и крѣпко рыкающаго не только на всю поляну, но на весь міръ. Крѣпкая пасть, могучіе нервы. И это — на краю гробота! А за гробомъ что будетъ? Весь адъ пробудится. Всѣ фараоны встанутъ и Рефаимы проснутся; всѣ Нероны, Калигулы, Деціи, Домиціаны, Юліаны, — всѣ гонители Христа и Христіанства, и скажутъ: ай, русскій Левъ послѣднихъ временъ; ты и насъ далеко превзошелъ; и изъ христіанъ вышелъ надменнѣйшій и лукавѣйшій гонитель воспитавшей тебя Матери-Церкви. Присоединись же къ намъ на вѣки и пей чашу, которую ты себѣ приготовилъ, сгорай въ огнѣ негасимомъ, уготованномъ отцу твоему, діаволу, которому ты усердно служилъ.

* * *

„Всякъ, падый на камень, тотъ сокрушится, а на немже падеть, сотретъ его“ (Мѡ. 21, 44). Нечистая волна — Толстой — приразился дерзко къ несокрушиму